

ЧЕГО МЫ ОЖИДАЕМ ОТ ЕВРАЗИЙСКОГО ПАТЕНТНОГО ВЕДОМСТВА?

Поставив вопрос, вынесенный в заголовок статьи, немецкий и европейский патентный поверенный А. фон ФЮНЕР высказывает пожелания (и не только личные) в адрес совсем еще молодого Евразийского патентного ведомства.

Ответ на вопрос, который стоит в заголовке статьи, очень прост: многого. Хотелось бы, чтобы, осуществляя свою деятельность, Евразийское патентное ведомство использовало все положительное из традиций не только российского, но и Европейского патентного ведомства, а также патентного ведомства ФРГ. Оно должно избежать очевидных недостатков, подстерегавших эти ведомства с вековой традицией, привнести в «старое здание» новый творческий дух. Опыт показывает, что это не так уж легко. Ведь даже самым прогрессивным реформаторам в ходе великих преобразований с большим трудом удается вселить новые идеи в старые структуры. Причиной тому является, к примеру, зашоренность многих сотрудников, мыслящих устаревшими категориями и тем самым тормозящих введение жизненно необходимых новшеств.

Мы ожидаем, что введение в действие евразийских законов и норм будет происходить цивилизованно. Каким бы ни стало Евразийское патентное ведомство, механизм его работы не должен быть авторитарно-диктаторским. Наоборот, оно должно отвечать требова-

Мнение
специалиста

ниям рынка и потребностям массового потребителя, быть своего рода «бюро обслуживания» по вопросам защиты промышленной собственности. Кому нужно патентное ведомство, если нет ни рынка, ни потребителей, нуждающихся в защите своих объектов? Согласитесь, никому. Работа в области охраны промышленной собственности очень важна для укрепления международных связей. Чем благоприятнее и стабильнее патентная система страны, тем привлекательнее она для долгосрочных инвестиций не только на внутреннем, но и на внешнем рынке.

Как правило, на Западе почти всегда сравнивают евразийскую процедуру патентования с российской. Это касается не только цен, но и результатов патентной экспертизы. Допустим, экспертиза вынесла отказное решение. Но у заявителя все еще есть шанс на выигрыш – **подача возражения** в вышестоящую инстанцию.

Как же эта проблема будет решаться в Евразийском патентном ведомстве? Следует ли полагать, что после подачи возражения патентному поверенному вновь придется бороться с первоначальной позицией эксперта нижестоящей инстанции? Ведь эксперт, боясь наказания, будет стоять насмерть, только бы не проиграть. Это сугубо советский, вернее, постсоветский подход. В западных странах такой практики нет. Например, в Германии эксперты, выносящие отрицательные решения, пользуются полной непри-

косновенностью. Никто не вправе их наказывать, даже если, допустим, верховный суд ФРГ отменит решение федерального патентного суда. Экспертам продолжают выплачивать оклады, они работают на своих прежних местах и не несут никаких наказаний. Подобная практика направлена на то, чтобы не допускать солидарного кумовства между инстанциями и тем самым увеличить шансы заявителя на справедливое рассмотрение его материалов.

Есть ли еще какие-либо ожидания? Да, **желательно, чтобы Евразийское патентное ведомство было гибким** и трактовало в пользу заявителя двусмысленные пункты законодательства, допускающие разное толкование. В Германии, например, патентное ведомство использует различные методы для изучения внутрисударственного рынка. Один из наиболее эффективных – «круглый стол» с участием лиц, представляющих интересы заявителей, т.е. крупных фирм. При чем в подобных мероприятиях участвуют не только местные, но и иностранные патентные поверенные. Так, в конце каждого года патентное ведомство Германии подводит итоги своей деятельности, готовит отчеты, отвечает на семинарах и конференциях на злободневные вопросы потребителей. Весь год проводятся встречи с представителями различных ассоциаций, в частности патентных поверенных, промышленников, химиков и пр. К сожалению, этого нельзя сказать о Европейском патентном ведомстве.

Среди прочих рыночных механизмов особую важность представляет соотношение: производительность/стоимость. Известно, что патентование – удовольствие дорогое. Из ста изобретений, возможно, только два или три окажутся экономически целесообразными, способными дать ожидаемую прибыль. О чем это говорит? Прежде всего о том, что заявителям необходимо подавать как можно больше заявок. Но чем больше заявок, тем больше и расходов.

Конечно, заявитель заинтересован в **разумных пошлинах**. Но, разумеется, Евразийское патентное ведомство не может понизить их до минимума. Ведь оно должно содержать себя. Рассчитывать на

помощь извне или на денежные дотации государств-участников ему не приходится.

Мы надеемся, что профессионализм сотрудников ЕАПВ, требуемое качество их работы, подкрепленные высокой, вовремя выплачиваемой зарплатой, положительно повлияют на качество выдаваемых ведомством патентов. Хочется верить, что евразийский патент будет столь же надежным, как и европейский.

Каждый заявитель понимает, что за поиск и экспертизу необходимо платить. Но если пошлины слишком высокие, и заявитель не уверен, что его изобретение когда-нибудь найдет спрос и принесет прибыль, то невольно возникает вопрос: «А стоит ли вообще заниматься всем этим?»

Непонятно, почему размер пошлины за оформление заявки или за проведение экспертизы ставится в зависимость от числа так называемых самостоятельных пунктов и подпунктов формулы изобретения. По-моему, любой патентный закон предусматривает, что заявка должна включать только одно изобретение, и не более. Следовательно: одна заявка – один поиск, один прототип. Никакой дополнительной работы от эксперта не требуется. Неверно также, когда искусственно разбивается единство изобретения на какие-нибудь отдельные части. К примеру, найдена новая группа химических соединений. Что делает эксперт? Выясняет, известны эти соединения или нет. Если они новы, то, разумеется, их никогда и нигде не применяли. Тем самым отпадает и необходимость в поиске на зависимые пункты, скажем, касающиеся гербицидов или лекарственных препаратов. При этом бессмысленно проводить поиск на способ получения или применение. Заявителям непонятно, почему с них требуют оплаты пошлин за нереальные поиски на вещества, способы получения и пр. Если ясно, что эксперт подобные действия проводить не будет (а это при описанной ситуации было бы нелепо), то оплачивать данную услугу нет никакой необходимости.

То же самое касается подпунктов. Здесь работа эксперта сводится к необходимости прочесть текст немного большего объема, чем обычно, но особо на-

прягаться при этом ему не приходится. Не следует повторять, что эксперт должен сосредоточивать свое внимание не только на формуле изобретения, но также тщательно просматривать и само описание, а не оставлять его без внимания, как принято в ведомствах некоторых стран. Объем работы при проработке описаний может быть разным. Одно дело – ознакомиться с изобретением в области машиностроения, где описание занимает, как правило, всего 20 – 30 страниц. Совсем другое – изучить, например, 500 страниц сложного химического текста. Естественно, их требуется не только прочесть, но и проработать, понять. Это куда более трудоемко, чем «беглая пробежка» по коротенькой формуле изобретения. За такой дополнительный труд вполне оправдано требовать дополнительных госпошлин.

Какими бы нам хотелось видеть **отношения Евразийского патентного ведомства с заявителями**? Хорошо бы сохранить нынешний благоприятный климат, дух дружбы и сотрудничества в их отношениях на долгие годы. Ведомство и его эксперты не должны воевать с заявителями, равно как и заявители не должны напирать на ведомство. Обе стороны должны стремиться к взаимовыгодному, плодотворному сотрудничеству. Иначе и тем, и другим придется нелегко. Мы также ожидаем, что деловыми и дружескими останутся отношения ЕАПВ с патентными ведомствами других стран, в частности Германии. Это отнюдь не означает, что между нами не может возникнуть разногласий. У каждого свое мнение, своя позиция, свои взгляды. Однако расхождения могут появляться только тогда, когда речь идет об изобретательском уровне.

Нам хотелось бы и впредь иметь возможность устно обсуждать спорные вопросы с сотрудниками ЕАПВ. Этот процесс должен проходить без излишних бюрократических проволочек, и без того

осложняющих нашу жизнь.

Мы также надеемся, что ЕАПВ будет разумно решать **вопросы продления сроков**, по возможности приурочивать рассмотрение нескольких дел на одну и ту же дату. Прилететь в Москву в любое время дано не каждому заявителю из Владивостока, Баку или Вашингтона. Это не только вопрос денег (кстати, в Западной Европе авиабилет в оба конца стоит несколько тысяч марок), но и вопрос времени. Это одна из причин, почему на Западе предпочтение ныне отдается евразийским заявкам. Подав заявку на такой патент, заявителям уже не надо думать, как в это смутное время попасть в Баку, Душанбе, Минск, Бишкек или Ереван, как своевременно перевести деньги на счета ведомств в названных точках и т.д.

Какие еще пожелания? Хотелось, чтобы после выдачи патента Евразийское патентное ведомство оказывало нам **содействие в отношениях с организациями и учреждениями государств – участников ЕАПК**. Для чего нам патент, если, к примеру, нет возможности преследовать его нарушителей? Не всеми организациями в государствах-участниках усвоены самые необходимые процедуры как юридического, так и исполнительного характера. Например, наложение таможенными властями ареста на контрафактную продукцию. Как запретить ввоз нарушающих патент товаров, если таможня не в состоянии осведомить патентообладателя хотя бы о том, сколько партий продукции, через какие каналы попадает на внутрисоюзный рынок? Мы уповаем на то, чтобы евразийский патент стал таким же прочным, какой, надеемся, будет и внутриевропейская валюта в 1999 г.

И последнее. Мы хотим, чтобы евразийская система патентования стала более устойчивой, евразийский патент надежным, Евразийское патентное ведомство процветающим.